

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-3-121-158>

<https://elibrary.ru/DFDHHV>

© 2026. Арина Еске

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

*Самарский национальный исследовательский университет им. академика
С.П. Королева, Самара, Россия*

**Екклесио-христологическая роль
публикации «Из записок покойного графа
Василия Алексеевича Перовского»
в романе Ф.М. Достоевского
«Игрок (Из записок молодого человека)»**

© 2026. Arina A. Yeske

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

S.P. Korolev Samara National Research University, Samara, Russia

**The Ecclesiological and Christological Role
of the Publication “From the Notes
of the Late Count Vasily Alekseevich Perovsky”
in F.M. Dostoevsky’s Novel *The Gambler*
(*From the Notes of a Young Man*)**

Информация об авторе: Арина Андреевна Еске, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; студентка, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.

E-mail: arina.eske@mail.ru

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 25-18-00009 «Сочинения, язык и чтение героев зрелого периода творчества Ф.М. Достоевского 1859–1881 годов».

За поддержку, помощь и наблюдения благодарю Геннадия Юрьевича Карпенко — профессора кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, доктора филологических наук Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева; редакцию журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» за ценные замечания и наблюдения о работе.

Аннотация: В статье впервые рассматривается роль отрывков из записок графа В.А. Перовского в структуре романа «Игрок» Ф.М. Достоевского. Главный герой — Алексей Иванович — приводит их в пример во время спора с французи́ком в первой главе романа за обедом, данным «по-московски». Записки В.А. Перовского выступают как внутренняя мера, становятся важной ценностной точкой в понимании сотериологического значения повести (так свои записки Алексей Иванович определяет в конце истории). Выявляются параллели в построении текстов — их объединяет концентрация на переломных событиях жизни, открытый финал; содержательные связи: на уровне межличностных отношений — свойства национальных характеров французов и русских, проявляющиеся в 1812-м году и в новых исторических обстоятельствах; а также в высшем духовном, мистическом плане — собрание-собрание в Церковь, мотив тридневия, состояние переходности, прохождение через ад и др. В выводе отмечается, что отрывки из записок графа В.А. Перовского своим присутствием формируют внутренний духовный сюжет соборного делания — исполнения наибольшей заповеди. Историческая ситуация 1812 года отчасти повторяется в новом контексте: прошлое не забыто, а является значимым, потому и возникает обращение к нему. Формируется единое пространство бытия текста — герои прошлого, настоящего, а также читатели объединяются автором — финальная глава, организованная совмещением времен, утверждает Воскресение, устремляется в вечность духовного.

Ключевые слова: наибольшая заповедь, соборность, Церковь, отрывки из записок В.А. Перовского, «Игрок», Ф.М. Достоевский, русские пленные, вера

Для цитирования: Еске А.А. Екклесио-христологическая роль публикации «Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского» в романе Ф.М. Достоевского «Игрок (Из записок молодого человека)» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 3 (35). С. 121–158. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-3-121-158>

Information about the author: Arina A. Yeske, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; student, S.P. Korolev Samara National Research University, Moskovskoe shosse, 34, 443086 Samara, Russia.

E-mail: arina.eske@mail.ru

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00009: “Characters’ Writings, Languages, and Readings in Dostoevsky’s Mature Works (1859–1881).”

For their support, assistance, and insights, I thank Gennady Yuryevich Karpenko — Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Doctor of Philological Sciences at Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev; and the Editorial board of the journal *Dostoevsky and World Culture. Philological Journal* for their valuable comments and observations on the work.

Abstract: For the first time, this article examines the role of excerpts from the notes of Count V.A. Perovsky in the structure of Fyodor Dostoevsky's novel *The Gambler*. The protagonist, Alexei Ivanovich, cites these excerpts as an example during an argument with a Frenchman in the first chapter of the novel, at a dinner given "in Moscow." V.A. Perovsky's notes serve as an internal standard and become an important point of reference for understanding the soteriological significance of the story, as Alexei Ivanovich himself defines his notes at the end of the narrative. Parallels in the structure of the two texts are identified: both are characterized by a focus on crucial events in the protagonists' lives and an open ending. Meaningful connections are also revealed at several levels: in interpersonal relations; in the characteristics of French and Russian national identities as manifested in 1812 and under new historical circumstances; and, at a higher spiritual and mystical level, in the motifs of gathering in the Church, the Third Day, a state of transition, and passage through hell. The article concludes that the presence of excerpts from Count V.A. Perovsky's notes creates the inner spiritual plot of the novel as a conciliar work centered on the fulfillment of the greatest commandment. The historical situation of 1812 is partially repeated in a new context: the past is not forgotten but acquires new significance, prompting an appeal to it. A unified textual space is thus formed in which the heroes of the past and present, together with the readers, are united by the author. The final chapter, structured through the interplay of different temporal dimensions, affirms the Resurrection and opens toward the eternity of the spiritual.

Keywords: the greatest commandment, conciliarity, the Church, excerpts from the notes of V.A. Perovsky, *The Gambler*, F.M. Dostoevsky, Russian prisoners, faith

For citation: Yeske, A.A. "The Ecclesiological and Christological Role of the Publication 'From the Notes of the Late Count Vasily Alekseevich Perovsky' in F.M. Dostoevsky's Novel *The Gambler* (*From the Notes of a Young Man*)."
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (35), 2026, pp. 121–158. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-3-121-158>

Роман «Игрок» — загадка достоевистики: исследуемый и недоисследованный, оцениваемый и недооцененный: вторичный, авантюрный, «самый не-достоевский», по словам И.Л. Волгина: ««Игрок» — не самое главное произведение Достоевского, там нет связанных с именем Достоевского вселенских бездн, пророчеств или каких-то религиозно-философских проблем <...> Он находится как бы на периферии его творческого сознания <...> Там мало самого Достоевского, хотя есть его приемы» [Волгин, 2011]. С.А. Кибальник, учитывая «необычную» атмосферу творения «Игрока», говорит о многогранности и сложности романа, и в то же время определяет

Ф.М. Достоевского более как диктора-импровизатора, нежели художника: «Создавая роман в таких условиях, Достоевский был вынужден не столько написать, сколько как бы сымпровизировать его <...> Этим предопределена не только сравнительная неразработанность — местами, в особенности ближе к концу, едва ли не конспективность — сюжетных ситуаций и эскизность образов, но и чрезвычайная их литературность» [Кибальник, 2014а, с. 136].

И заграничная история жизни Алексея Ивановича зачастую в науке о Ф.М. Достоевском осмысляется в мрачных тонах: в категориях торжества смерти и безнадёжности: «“Швейцарское воскресение” воспринимается как несбыточная иллюзия героя <...>», «Не случайно герой употребляет слово “завтра” дважды. Завтра — это на следующий день после сегодняшнего, но дважды употребленное это слово обозначает неопределенное будущее» [Габдуллина, 2008, с. 17], [Габдуллина, 2011, с. 198]; «Однако “швейцарское воскресение” воспринимается как несбыточная иллюзия <...>» [Зябрева, Поник, 2012, с. 29]; «Впрочем, есть у Достоевского и иной случай — когда мы расстаемся с его героем, зная, что он, вероятно, погибнет. Так, “подпольный парадоксалист”, скорее всего, никогда не вырвется из чреды своих “парадоксов”, Алексей Иванович — из водоворота игры <...>» [Кибальник, 2024, с. 162]; «На уровне архитектоники то, что для героя является свободным самосочинением, для читателя, пусть смутно, обусловлено предшествующим литературным каноном, прогнозирующим неизбежную судьбу героя в сюжете» [Живолупова, 2004, с. 14]; «Герой очутился у разбитого корыта», и «широта» героя «служит предметом ядовитой иронии Достоевского» [Чирков]. В «Игроке» господствуют случай и фатум [Чирков], Полина, бабушка и Бланш — «три парки», или Мойры [Живолупова, 2004, с. 14], толкающие Алексея Ивановича в бездну. Как видим, в высказываниях о романе создается мир безнадёжный, заикленный, обреченный на бесконечную повторяемость, без возможности выхода, без спасения.

Кажется, что о надежде на воскресение пишет К. Кроо: «Решить окончательно вопросы — в духе смыслопорождающих процессов в “Игроке” — на самом деле никому не может удалиться. Однако идти вперед к концу, сулящему перспективу нового начала — это уже возможно, и возможность дается как раз Алексею, сочинителю записок» [Кроо, 2005, с. 95]; «Достоевский заканчивает свой роман тем мотивом завершения, имплицитующего идею воскресения

самого текста, который по ходу своего поэтического развития постоянно искушает сам себя разными жанрово-модальными ссылками и их частичным семантически сюжетным развертыванием. Конец романа открывает новое начало для других литературных произведений...» [Кроо, 2005, с. 90]. Однако говорит К. Кроо не об Алексее Ивановиче-человеке, а об Алексее Ивановиче-писателе, точнее об его писательском слове, которое может возродиться — вылиться в новую историю.

Поэтому не случайно среди таких inferнальных героев (и тем) единственной светлой нотой (персонажем) романа становится мистер Астлей, которого исследователи называют «положительно прекрасным человеком» или «одним из первых подступов» к созданию образа «положительно прекрасного человека» [Борисова, 2025], [Кибальник, 2014б, с. 1329]. Если помнить, кого Ф.М. Достоевский называл «положительно прекрасным человеком» и с Кем соотносил этот образ, то такого рода суждения представляются неожиданными и недостаточно обоснованными, так как намечают совершенно другую — теoантропологическую — перспективу в творчестве писателя. В письме С.А. Ивановой от 1 (13) января 1868 года Ф.М. Достоевский делится замыслом будущего произведения: «Идея романа — моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее, а если взялся теперь, то решительно потому, что был в положении чуть не отчаянном. Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение *положительно* прекрасного, — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо. (Все Евангелие Иоанна в этом смысле; он всё чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного)» [Достоевский, 1972–1990, т. 2₂, с. 251].

Для Ф.М. Достоевского единственным положительно прекрасным человеком является Христос. В авторском замысле данное определение («положительно прекрасный человек») прочно связано с образом князя Мышкина — это творческий акт сознательный, самим Ф.М. Достоевским продуманный и

оговоренный. Если это так, то для чего применять такое определение по отношению к мистеру Астлею? Исследователи отмечают его честность и доброту (см., например: [Борисова, 1997]), и в таких качествах видят достаточно оснований, чтобы назвать героя «положительно прекрасным человеком». Наверное, для ценностного обобщения этих понятий — светлых свойств мистера Астлея — следовало бы подыскать другое определение, но не то, которое Ф.М. Достоевский использует в христологическом смысле: ведь и князь Мышкин добр и честен, но не только поэтому он «положительно прекрасен».

Для исследователей роман «Игрок» оказывается «привлекательным» с точки зрения формы: оценивается он либо как произведение в целом традиционной структуры [Данилова, 2015, с. 252–253], либо как «субжанр», в котором представлено брожение-трансформация сюжета повести (так Алексей Иванович называет свои «записки» в конце истории) в романный сюжет: «Отсюда — уникальная включенность в повествование “Игрока” целого ряда “схем” романских сюжетов, которые полностью не будут развернуты Достоевским <...>» [Живолупова, 2004, с. 15].

Если рассматривать определение записок, данное Алексеем Ивановичем, в соотнесении с русской духовной православной традицией, с тем, как «повесть» — «по-весть» — явлена в Древнерусской литературе — в сопряжении с Евангелием как благая весть в письменном слове (Евангелие — благая весть — со-весть — по-весть) [Прохоров, 2010, с. 8–28] — то откроются совершенно иные возможности понимания романа. Древнерусская повесть — это рассказ о встрече человека с Богом в истории, даже в повседневности; повесть зиждется на соборности — на связи частного события с общим бытием, освященным Богом. Так, например, в «Повести временных лет» «события жизни независимо связаны между собой, каждое из них происходит повелением свыше» [Ужанков, 2008, с. 343–344]. Данная традиция сказывается и в романе «Игрок»: Алексей Иванович не случайно называет свои записки повестью, это определение указывает на их сотериологический (спасительный), соборный смысл. Древнерусское духовное значение жанра «по-вести» полностью реализуется в «записках молодого человека».

Итак, необходимо посмотреть на «Игрока» другими глазами, с иной позиции. Но какую же «иную позицию» выбрать? Как отмечает Т.А. Касаткина, современным исследователям стало понятно, что «Достоевский, вводя в свой текст какую-то книгу, присоединяет

текст к ней таким образом, что посредством ее можно понять те глубинные смыслы, которые автором произведения закладываются» [Касаткина, 2026а]. Книги, упоминаемые писателем, — ключи-подсказки, и их важно учитывать в осмыслении-постижении произведений. Для «Игрока» внутренним текстом, порождающим и выстраивающим прикровенные смыслы, являются упоминаемые Алексеем Ивановичем отрывки из записок генерала В.А. Перовского — «Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского» [Перовский, 1865]¹. Исследователи не обращали пристального внимания на «Записки»: на них ссылается Н.Н. Подосокорский как на один из фактических источников, повлиявших на рассказ Иволгина о Наполеоне в романе «Идиот» [Подосокорский, 2011]; а комментарий в новом Академическом полном собрании сочинений писателя, по поводу эпизода с «Записками», исполнен в реально-иллюстративном ключе: Алексей Иванович, разоблачая необоснованную жестокость наполеоновской армии в войне 1812 года, рекомендует «прочсть хоть, например, отрывки из “Записок” генерала Перовского» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 236]². Комментатор краткой справкой поясняет, кто такой генерал В.А. Перовский, и в качестве подтверждения правоты слов героя приводит цитату из «Записок»: «Иногда пленные, предчувствуя участь свою, видя вдали на дороге церковь, старались дотащиться до ней, останавливались <...> у дверей на паперти, молились, и их застреливали» [Д, с. 584].

Конечно, такого рода комментарий необходим, но не достаточен. Как справедливо отмечает Т.А. Касаткина, реальный комментарий может «задавать для текста иные реперные точки, чем те, которые имел в виду автор — и это радикально сбивает восприятие читателя», «перекрывает читателю доступ» к «глубинным смыслам», «фундаментальным основам бытия», заложенным в текст даже при помощи мимолетной детали [Касаткина, 2023, с. 14–16]. В академическом комментарии к «Запискам» В.А. Перовского внимание акцентируется на слове «застреливали». Однако подсказка героя «прочсть отрывки» намекает на их особую смыслопорождающую роль, и, следовательно, на более внимательное отношение к ним. В рассматриваемом эпизоде значимой

---

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с обозначением П и указанием в квадратных скобках страниц.

² Далее ссылки на это издание приводятся в квадратных скобках с обозначением Д и указанием страниц.

является не только фактология, но и аксиология. А с точки зрения аксиологии высшей ценностной точкой эпизода выступает Церковь, пробуждающая сверхмерные духовные силы в физически обессиленных, обреченных на смерть русских пленных: они «старались дотащиться до ней» [Д, с. 584] — себя дотащить до Церкви. Обессиленный, обреченный на смерть человек может «дотащиться» только в том случае, если место, к которому он стремится, является для него абсолютной ценностью, если оно влечет его к себе. Церковь — это место Бога распятого, место жертвенной любви: к себе Он влечет их — смертью смерть поправ. Церковь придавала им силы, их «тащила», влекла к себе.

Так, соотношение «по-вести» Алексея Ивановича с «Записками» генерала В.А. Перовского позволяет дать более глубокое истолкование роману — не только в социальном проблемно-тематическом, но и в еkkлезио-христологическом ключе. В контексте романа «екклезио-» понимается в двух значениях: 1) как отсылка к еkkлезиологии — учению о Церкви — собрании верных (призыв к собранию-собираению в семью — малую Церковь — и к возвращению на Родину для братского служения); 2) как отсылка к содержанию книги Еkkлезиаста: Книге Ветхого Завета, которая, несмотря на весь «пессимизм», говорит о жизни. По словам протоиерея Геннадия Фаста, книга Еkkлезиаста — это вопрос, Евангелие — ответ на вопрос [Фаст]. «Игрок» — это болезненный, но умудряющий опыт, а Христос — смысл и опора, Истина, со-присутствующая героям. Вторая часть приводимого определения — «христологический» — указывает на явленность Христа в романе.

«Записки» В.А. Перовского и «записки молодого человека» связаны многими «нитьями» ценностно-содержательного и формального характера. Обнаруживается сходство в их построении: это воспоминания о важных, переломных событиях жизни. У обоих героев нет предыстории: В.А. Перовский не сообщает, как стал квартирмейстерским офицером и что происходило с ним в течение всего 1812 года, но концентрируется на наиболее значимом — пленении. Не сообщается и о том, как Алексей Иванович поступил в семейство генерала, что происходило в течение всех четырех месяцев его службы; он возвратился из двухнедельной отлучки — с этого и начинается повесть. О «мистичности» истории создания «Игрока» пишет Л.И. Сараскина [Сараскина, 2003, с. 389–398]: Ф.М. Достоевский мучался игровой страстью на протяжении десяти лет, и его осво-

божество — чудо, явление милости Божией (сила Божия в немощи совершается)³, что может быть спроецировано и на финал «Игрока» (в финале Алексей Иванович — страстный игрок, но есть надежда на исцеление). Однако параллель выстраивается не только с «поздним» периодом жизни Ф.М. Достоевского и с «игорной болезнью», но и с началом пути: Ф.М. Достоевский считает важным сделать указание на возраст героя: из записок «молодого человека»; Алексею Ивановичу двадцать пять лет, последняя глава романа пишется после годового перерыва (год и восемь месяцев), и, если учесть все «перебои» в повествовании, получится, что в конце герою около двадцати семи лет. Ф.М. Достоевский был арестован по делу петрашевцев в 1849 году — в двадцать семь лет; затем суд, приговор, каторга⁴, то есть Алексей Иванович подходит к символичному, переломному для самого Ф.М. Достоевского возрасту. В то время арест явился для писателя якорем спасения: «Современник его, О.Ф. Миллер, в материалах к биографии Достоевского пишет: “По собственным словам Федора Михайловича, он сошел бы с ума, если бы не катастрофа, которая переломила его жизнь”» [Фудель, 2016, с. 82]; показательно, что и Алексей Иванович произошедшее (приезд бабушки и следующие после этого события, см., например, главу XIII) оценивает именно как «катастрофу». «Катастрофа», которую переживает Алексей Иванович, плен, в который попадает В.А. Перовский (в 1812 году ему только лишь семнадцать лет) — промыслительные потрясения,

---

³ Об избавлении Ф.М. Достоевского от игорной страсти: «Он не старался убедить жену, будто сам, своими силами может удержаться от “гнусной фантазии”. Его заслуги вроде и не было — **не он совершил великое дело, но оно совершилось над ним**» [Сараскина, 2003, с. 397].

⁴ Важен комментарий Т.А. Касаткиной по поводу осмысления Ф.М. Достоевским отправления на каторгу: «Необходимо отметить, что Достоевский в это время вообще видит и осмысливает события своей жизни (и особенно каторжной истории) на фоне жизни Христа. Вот только один пример из первого письма брату Михаилу по выходе из каторги, где он пытается дать обзор прошедших четырех лет: “Помнишь ли, как мы расстались с тобой, милый мой, дорогой, возлюбленный мой? Только что ты оставил меня, нас повели, троих: Дурова, Ястржембского и меня, заковывать. Ровно в 12 часов, то есть ровно в Рождество, я первый раз надел кандалы” (Письмо М.М. Достоевскому от 30 января – 22 февраля 1854. Омск [Достоевский, 1972–1990, т. 28, с. 167]). Достоевский здесь подспудно сопоставляет свои кандалы с теми кандалами плоти, которыми облеклось Божество в Рождестве, отмечает свой начавшийся кенозис, соотнося его с кенозисом Христа — поэтому для него так важно, что это происходит ровно в Рождество» [Касаткина, 2023, с. 66].

Встречи, случающиеся в начале жизненного пути, события, переформирующие и формирующие характер.

Оба текста «записок» завершаются открытым финалом: воспоминания В.А. Перовского обрываются буквально на полуслове, но редактор журнала в примечании сообщает: «Что было дальше, нам неизвѣстно, и мы не знаемъ, какъ освободился изъ французскаго плѣна этотъ энергическій человѣкъ, которому впоследствии пришлось, но уже совсѣмъ в другой обстановкѣ, выносить ужасы Хивинской экспедиціи <...>» [П, с. 286]. В.А. Перовский был освобожден, однако подробности и обстоятельства его спасения — остаются тайной.

Не только такого рода легко фиксируемые параллели и совпадения сближают «записки»: объединяют их и особые отношения с французами. В.А. Перовскому накануне вступления неприятеля в столицу хочется побывать в «Москвѣ и дома» [П, с. 257]: важное объединение — восприятие Москвы и как места, где находится дом, и как самого дома. В.А. Перовский становится свидетелем разграбления дома-жилища и дома-столицы: «<...> не могу описать горестнаго чувства, мною овладѣвшаго, особенно сравнивая оное съ окружившими меня французами, которые по праву войны располагали всѣмъ, как своею собственностію, пѣли, веселились, торжествовали; всякое слово ихъ было для меня мученіемъ»; «Гусары, которыхъ далъ генераль для охраненія дома, не спали, бродили по всему дому, грабили и пили» [П, с. 261]. В романе «Игрок» поведение французов (Бланш и Де-Грие) в их отношении к русским воспринимается как продолжение войны 1812 года: «запускает» эти смыслы сцена спора «французика» и русского⁵ (в первой главе романа) за обедом, данным «по-московски» (во время которого Алексей Иванович и упоминает «Записки» В.А. Перовского).

И в новом историческом контексте повторяется положение В.А. Перовского: русские находятся в окружении-плёну у французов. Де-Грие «захватывает» имение генерала: «<...> генерал весь у него в закладе, все имение — его, и если бабушка не умрет, то француз немедленно войдет во владение всем <...>» [Д, с. 253]. Беспокоит Алексея Ивановича и странное отношение Де-Грие к Полине: «Значит, он просто владеет ею, она у него в каких-то цепях...» [Д,

⁵ Имена героев еще не обозначены: имя Де-Грие будет названо в V главе, Алексея Ивановича — в VI.

с. 272]. Генерал находится в плену и у Бланш, что сразу по приезде замечает главный герой: «<...> только генералу несдобровать» [Д, с. 233]. В конце романа, после «катастрофы» генерал скажет о Де-Грие: «Он погубил меня <...> он обокрал меня, он меня зарезал» [Д, с. 344]. Цель нашествия современных французов — захватить бабушку, олицетворенную Москву («помещицу и московскую барыню» [Д, с. 278]), и если в столкновении с ней Де-Грие терпит поражение и бежит из города, то результаты «войны», в общем, не столь однозначны: Полина больна, имение остается в руках Де-Грие, после смерти генерала часть наследства бабушки переходит Бланш. В «Игроке» нет однозначных победителей и побежденных, однозначных союзников и противников — сложные человеческие отношения не укладываются в границы четких определений. Метафора войны, накладываемая на историю героев, лишь один из уровней рассмотрения.

Записки В.А. Перовского и Алексея Ивановича сближаются и на основе типологически устойчивых характеристик (свойств национального характера) русских и французов, обнаруживающих свои качества и «сейчас», и в 1812-м году. Так, рассуждая о том, почему Полина оказалась в плену, Алексей Иванович отмечает: «<...> нет существа в мире доверчивее и откровеннее доброй, умненькой и не слишком изломанной русской барышни» [Д, с. 352]⁶ — тем самым, указывает на то, что Полина поверила, доверилась Де-Грие, а он оказался предателем. Об этом ранее в напряжении ему сообщает сама героиня: «О, это был (Де-Грие — А.Е.) не тот человек прежде, тысячу раз не тот, а теперь, а теперь!..» [Д, с. 323]. В.А. Перовский попадает в плен по той же причине: он не пытается бежать, потому что верит словам генерала Себастиани: «<...> успокоенный даннымъ мнѣ словомъ» [П, с. 260]. Ради удовольствия Неаполитанского короля генерал просит В.А. Перовского остаться, заверяя его в безопасности и непременно возвращении, но честное слово никакого значения не имеет — адъютант, призванный сопровождать В.А. Перовского (а генерал Себастиани уверяет, что адъютант приведет его обратно), не заботясь о вверенном ему русском, уезжает [П, с. 260]. В.А. Перов-

---

⁶ И хотя Алексей Иванович сложные, тяжелые отношения Полины и Де-Грие вмещает в формулу «француз» и «русская барышня», то есть упрощает и уходит в обобщения — додумывает чувства Полины, и в этом глубоко ошибается — но изначальное утверждение о доверии героини верно и основано на ее собственных словах [Д, с. 323], на наблюдениях за изменившимся поведением француза [Д, с. 253].

ский остается в положении затруднительном, опасном: «Адъютантъ генер. С., который одинъ могъ доказать, что я говорилъ правду, уѣхалъ. Съ пожаромъ увеличивалось въ городѣ ежеминутно смущение, безпорядокъ; меня никто не хотѣлъ слушать» [П, с. 263]. Отношения явлены как подвиг жертвенной веры; герои терпят страдания от того, что открыто устремляются к другому и «раскрываются» перед ним.

В этом плане сложна и противоречива близость Алексея Ивановича и Полины: Алексей Иванович описывает эти отношения так: «<...> и если мне еще неизвестна целая связь событий, если она и сама видит, как я мучусь и тревожусь ее же мучениями и тревогами, то никогда не удостоит меня успокоить вполне своей дружеской откровенностью <...>. Да и стоит ли заботиться о моих чувствах, о том, что я тоже тревожусь и, может быть, втрое больше забочусь и мучусь ее же заботами и неудачами, чем она сама!» [Д, с. 245]. Алексей Иванович стремится стать не просто со-участником томлений Полины, но возложить эти переживания на себя, облегчить ее боль и печаль. Он не просто находится рядом, а становится неотделенным от Полины. Алексей Иванович использует словесные сопряжения близкие к библейско-евангельским: мучусь мучениями, тревожусь тревогами, забочусь заботами, и эта триада дополнительно усиливается сочетанием «втрое больше». В жертвенном служении Алексея Ивановича проявляется лик Христа, он искренне старается послужить ближнему, даже до смерти: «Ведь я тысячу раз вызывал ее быть со мною откровенной, и ведь она знала, что я действительно готов за нее голову мою положить. Но она всегда отделялась чуть не презрением или вместо жертвы жизнью, которую я предлагал ей, требовала от меня таких выходов, как тогда с бароном!» [Д, с. 319].

С посыла Полины Алексей Иванович отправляется на рулетку: «Однако ж у меня было ее поручение — выиграть на рулетке во что бы ни стало» [Д, с. 239], — Полине неприлично играть, потому она посылает Алексея Ивановича, и он идет — до этого ему самому кажется, что рулетка — единственный исход и спасение, но начинает играть он ради Полины, с посыла Полины; в этом отношении героя поступают не как ближний, останавливающий и спасающий, а как подталкивающий к бездне.

Усиливается символика жертвенности в размышлении Алексея Ивановича: «А что касается Шлангенберга, то клянусь честью, даже и теперь: если б она тогда приказала мне броситься вниз, я бы бросился! Если б для шутки одной сказала, если б с презрением,

с плевок на меня сказала, — я бы и тогда соскочил!» [Д, с. 258]. Алексей Иванович дает Полине слово, и от нее зависит, воспользоваться ли им, а если и воспользоваться, то как. Прыжок со Шлангенберга — это формула выражения сильного, страстного чувства, своего рода превосходная степень, и, рассуждая, Алексей Иванович подразумевает, что в этом искреннем порыве может быть оплеван. Для такой реакции со стороны Полины нет повода, но именно то, что выражению презрения сопутствует плевок — самая унижающая реакция — выстраивает параллель с Господом — Поруганным, Измученным: «Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам» (Мф. 26: 67). Полина, относясь к герою немилосердно, презрительно, своим отношением, своими словами «оплевывает» Божественный образ в нем.

Алексей Иванович что угодно готов сделать для Полины, но, отдаваясь во власть ей, он надеется на ее добросердие — на то, что она не употребит это право во зло: «Я все-таки был поражен, что она так высказалась, что она удерживает такое право надо мной, что она соглашается на такую власть надо мной и так прямо говорит: “Иди на погибель, а я в стороне останусь”. В этих словах было что-то такое циническое и откровенное, что, по-моему, было уж слишком много. Так, стало быть, как же смотрит она на меня после этого? Это уж перешло за черту рабства и ничтожества. После такого взгляда человека возносят до себя. И как ни нелеп, как ни невероятен был весь наш разговор, но сердце у меня дрогнуло» [Д, с. 259]. В отношениях с Полиной Алексей Иванович готов принять роль раба, но стремление к проявлению заботы, жертвенность — христологически — выводит его за пределы этой ситуативной характеристики. Межличностно герои могут быть замкнуты в формулы отношений «раб — древняя императрица» [Д, с. 239], но для Господа — они равны. Поступая милосердно, устремляясь к ближнему — герой совершает добро Самому Христу — «И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40) («поступки наши относительно ближнего Христос принимает так, как бы они совершены были относительно Его» [Брянчанинов, 2003, с. 79–80]) и исполняет заповеданное, но облик Алексея Ивановича двоятся — через это тонко проводится тайна отношений человека с Господом — и друг Его, и распинатель Его, и ученик, и предатель, и любящий, и ненавидящий.

Двоение героя проявляется в усложненных мотивировках-объяснениях: «Если бы не дума о Полине, то я просто весь отдался бы одному комическому интересу предстоящей развязки и хохотал бы во всё горло. Но Полина смущает меня; участь ее решается, это я предчувствовал, но, каюсь, совсем не участь ее меня беспокоит. Мне хочется проникнуть в ее тайны; мне хотелось бы, чтобы она пришла ко мне и сказала: “Ведь я люблю тебя”, а если нет, если это безумство немыслимо, то тогда... ну, да чего пожелать? Разве я знаю, чего желаю? Я сам как потерянный; мне только бы быть при ней, в ее ореоле, в ее сиянии, навечно, всегда, всю жизнь» [Д, с. 300]. Алексея Ивановича то беспокоит забота о самой Полине — о ней как человеке, о ее состоянии и положении — то, наоборот, возникает эгоистичное стремление — притязание быть первым поверенным, проникнуть во все секреты, то есть интересуется вовсе не человек. Внутренне герой стремится к изменению «неравных» отношений, переводу их в регистр открытости и доверия, и вследствие невозможности этого — отношения остаются неустановившимися — испытывает эмоционально-психологический надрыв, приходит к само-отрицаниям (сначала: «чтобы она пришла ко мне», но далее — «мне бы только быть при ней» [Д, с. 300]). Алексей Иванович не понимает собственного состояния, сбивается и путается. Так, стремясь обрести знание о тайных отношениях Полины, он этого знания избегает, боится: «Я никогда еще не слышал от нее такого отзыва о Де-Грие и замолчал, *побоявшись понять эту раздражительность* (курсив наш — А.Е.)» [Д, с. 253].

Духовная неустроенность выявляется через введение мотива опьянения: отправляясь выполнять поручение Полины — «школьничество» (инцидент с бароном и баронессой [Д, с. 260]) — он отмечает, что раздражен был ужасно, «точно пьян» [Д, с. 260]. Несколько ранее Полина презрительно, с вызовом говорит: «У вас только глаза кровью налились давеча — впрочем, может быть, оттого, что вы вина много выпили за обедом» [Д, с. 260]. Алексей Иванович не пьян, но то, что происходит с ним — состояние затуманивания внутреннего ока, — переходность. «Точно пьян», «много выпил» — «опьянение» — это, как указывает Т.А. Касаткина, особое «апофатическое» состояние героев. Т.А. Касаткина обращает внимание на то, что в конечной редакции «Преступления и наказания» пьяными называют тех героев, которые в буквальном смысле не бывают пьяны (или вообще не пьют, или не любят пить): Раскольникова

и Свидригайлова. Такое состояние героев напрямую соотносится с христианским опытом трезвения. В 1793 году текст «Добролюбия», переведенный Паисием Величковским, публиковался под заглавием: «Добролюбие, или Словеса и главизны священного трезвения...» [Касаткина, 2026, с. 53]. Важно противопоставление опьянения ума и трезвения ума, два состояния: первое — греховности, то есть болезни, второе — благодатное и полезное для христианина.

Алексей Иванович часто характеризуется как сумасшедший. В Толковом словаре В.И. Даля это слово охватывает различные состояния от временного помешательства до безумия, от «пребывать бешеным» до «быть юродивым», Божьим человеком [Даль, 2006]. В «Игроке» «сумасшедший» употребляется не только в отношении главного героя, но и — генерала («Вы падчерица разорившегося и сумасшедшего человека <...>» [Д, с. 258]), бабушки («Полгода назад ее бабка — помните, та самая сумасшедшая женщина <...>» [Д, с. 351]); и в разных эпизодах используется как обозначение специфических состояний: от психо-физиологического («Право, мне было легче в эти две недели отсутствия, чем теперь, в день возвращения, хотя я, в дороге, и тосковал как сумасшедший, метался как угорелый, и даже во сне поминутно видел ее пред собою. Раз (это было в Швейцарии), заснув в вагоне, я, кажется, заговорил вслух с Полиной, чем рассмешил всех сидевших со мной проезжих» [Д, с. 239]) — от состояния здоровья (генерал по отъезде Бланш: «Он упал без чувств, а потом всю неделю был почти как сумасшедший и заговаривался. Его лечили, но вдруг он всё бросил, сел в вагон и прикатил в Париж» [Д, с. 342]) до описания положения неустроенности — запутанности — помутнения духовного ока (Алексей Иванович по окончании катастрофы с бабушкой и распадения семейства генерала: «До сих пор не понимаю себя! И всё это пролетело как сон, — даже страсть моя, а она ведь была сильна и истинна, но... куда же она теперь делась? Право, нет-нет, да и мелькнет иной раз теперь в моей голове: “Уж не сошел ли я тогда с ума и не сидел ли всё это время где-нибудь в сумасшедшем доме, а может быть, и теперь сижу, — так что мне всё это *показалось* и до сих пор только *кажется*... (курсив в обоих случаях Ф.М. Достоевского — А.Е.)”»). Рассмотрение соотношения понятий сумасшедший, помешательство, ум, рассудок может составить отдельную тему исследования, отметим лишь, что в духовном плане — сойти с ума — можно понимать как — перестать осуществлять духовно-нравственный контроль, впасть в грех,

оказаться под влиянием страстей, ибо ум, как замечает прот. Вадим Леонов, обладает способностью к созерцанию, а созерцание — это восприятие вещи в ее непосредственном бытии, в ее внутренней сущности; ум является оком души (Мф. 6: 22–23) [Леонов, 2011]. Алексей Иванович свое положение в моменте ожидания катастрофы описывает так: «Я не умею себе дать отчета, что со мной сделалось, в иступленном ли я состоянии нахожусь, в самом деле, или просто с дороги соскочил и безобразничаю, пока не свяжут. Порой мне кажется, что у меня ум мешается. А порой кажется, что я еще не далеко от детства, от школьной скамейки, и просто грубо школьничаю» [Д, с. 260], — герой переживает помутнение, его состояние противоречиво и мучительно.

Духовная неустроенность героя выявляется и в склонности к противоестественным проявлениям. В Алексее Ивановиче дьявол с Богом борется: он как носитель Божественного образа стремится Полину спасти и мучится ее мучениями, и как согрешивший — поработавший дьяволу — руки себе искушать готов: «Знаете ли вы, что я когда-нибудь вас убью? Не потому убью, что разлюблю или приревную, а — так, просто убью, потому что меня иногда тянет вас съесть. <...> Знаете ли еще, что нам вдвоем ходить опасно: меня много раз непреодолимо тянуло прибить вас, изуродовать, задушить» [Д, с. 257]. Желание «съесть» — принять внутрь себя соотносится с тем, что свое чувство к Полине он определяет страстью («даже страсть моя, а она ведь была сильна и истинна, но...куда же она теперь делась?» [Д, с. 313], «<...> заметив мой страстный взгляд, она вдруг начинала лукаво улыбаться <...>» [Д, с. 331]): страсть порождает ненасытимый духовный голод, основывающийся не на заботе и дарении, а на поглощении и мучении. Носителем такого внутреннего, духовного противоречия — болезни — является Алексей Иванович, и в определенной степени каждый из героев романа⁷.

⁷ О такой антропологической раздвоенности героев Ф.М. Достоевского пишет Г.Ю. Карпенко: «Однако если говорить о “большой”, всеобъемлющей концепции человека, запечатленной в творчестве Достоевского, то к ее христологическому измерению и привычному социальному, национальному, религиозному и философскому содержанию нужно добавить трудно определяемую и контролируемую сознанием “темную зону” психофизиологического и бессознательного, эволюционно доставшуюся человеку как дар и/или как проклятие и проявляющуюся в нем в виде аффектов, сновидений, сновиденческих желаний, немотивированных хотений и накапливаемых созерцательных впечатлений» [Карпенко, 2023, с. 251].

Герои — Алексей Иванович, Полина, генерал — в пленении, в ожидании, в пути — это положение переходное, внутренне неустойчивое, потому ведут они себя иногда вовсе необъяснимо.

Герои «Игрока» переживают состояние постоянного преодоления трудностей (переходность-пребывание в пути и обуславливает внутреннюю раздвоенность). В.А. Перовский пленен и в пути: это не физическое перемещение из одной точки в другую, а духовное движение-изменение — но выражается оно не прямо, а просвечивает в упоминаниях об ужасах-тяжелых испытаниях: «<...> боль въ ногахъ напоминала мнѣ о возможности быть разстрѣлену»; «и обыкновенно только по прошествіи нѣсколькихъ часовъ ходьбы начинали раздаваться ужасные выстрѣлы, лишавшіе насъ товарищей. Иногда слышали мы ихъ до 15-ти въ день и болѣе»; «всякій день число плѣнныхъ уменьшалось <...> и моя очередь, казалось, приближалась ежеминутно»; «скоро хлѣбъ нашъ весь вышелъ. <...> Мясо мертвыхъ, давно убитыхъ лошадей сдѣлалось наконецъ единственною нашею пищею»; «блѣдные, въ лоскутьяхъ, безъ обуви, представляли плѣнные картину ужасную и отвратительную. <...> Я давно уже страдалъ ужасною болью въ ногахъ: отъ Москвы шелъ я безъ сапоговъ по крѣпко замерзшей грязи. Отъ колѣнъ и до подошвы были ноги мои въ ранахъ» [П, с. 276–280]. Это пребывание пленных русских в окружении бед — прохождение через ад.

И Алексей Иванович окружен; так, оказавшись впервые в игорном зале, он отмечает: «<...> я и сам был в высшей степени одержан желанием выигрыша, то вся эта корысть и вся эта корыстная грязь, если хотите, была мне, при входе в залу, как-то сподручнее, родственнее» [Д, с. 241]. Характерное выделенное церковнославянское слово «одержан» и словосочетание «одержан желанием» отсылают к 13-му стиху 39-го Псалма: «Яко одержаша мя злая, ѡмже несть числа, постигоша мя беззаконія моя, и не возмогохъ зрѣти, умножишася паче власъ главы моея, и сердце мое остави мя» (в Синодальном переводе: ибо окружили меня беды неисчислимые; постигли меня беззакония мои, так что видеть не могу: их более, нежели волос на голове моей; сердце мое оставило меня). Алексея Ивановича «одержаша злая»: обступили искушения и напасти, терзают страсти. В социально-межличностном плане это выражается немилосердным, неучтывым отношением ближних, так, Де-Грие героя, «поднявши брови, рассматривает и в то же время не замечает» [Д, с. 256], — мотивируется такое поведение тем, что «невелика птица — то, что

они называют “outchitel”» [Д, с. 234]. Француз Де-Грие — маркиз, а Алексей Иванович — учитель, ничтожный русский, поэтому с ним можно и не здороваться, можно его не уважать. Однако иронично-пренебрежительно употребленное слово «outchitel» напоминает такое же иронично пренебрежительное обращение к Иисусу Христу, о котором пишет Евангелист Матфей, когда речь заходит о наибольшей заповеди: «И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22: 35–40)⁸. Определение по призванию соотносит Алексея Ивановича с Господом. Это звучит и в других словах о пребывании в игорном зале: «Что же касается до моих сокровеннейших нравственных убеждений, то в настоящих рассуждениях моих им, конечно, нет места. Пусть уж это будет так; говорю для очистки совести. Но вот что я замечу: что во всё последнее время мне как-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои к какой бы то ни было нравственной мерке. Другое управляло мною...» [Д, с. 243]. Даже оказавшись в плену рулетки, в плену греха — он продолжает оставаться носителем внутреннего сокровища.

Рулетенбург — город, который, по утверждению исследователей, кодируется как пространство ада: «В художественном пространстве романа прочитывается оппозиция парк/воксал, метафорическим аналогом которой является антитеза эдем/ад» [Габдуллина, 2008, с. 14]. В словах Потапыча, приехавшего с бабушкой, оппозиция: Москва — сад и дух, а за граница — «не к добру»: «Говорил, что не к добру. И уж поскорей бы в нашу Москву! И чего-чего у нас дома нет, в Москве? Сад, цветы, каких здесь и не бывает, дух, яблоньки наливаются, простор, — нет: надо было за границу! О-хо-хо!..» [Д, с. 313]. Утверждение Москвы как места присутствия Господа осуществляется и в «Записках» В.А. Перовского: пространственными ориентирами выступают церкви, монастыри; устремляя взгляд за реку, среди всеобщего разрушения, среди черноты и дыма В.А. Перовский видит — свидетельство поддержки и надежды — колоколь-

⁸ За указание на наибольшую заповедь и мотив «тридневия» благодарю Г.Ю. Карпенко.

ни: «<...> но съ площадки, за рѣку, видно было одно только пламя и ужасные клубы дыма; изредка, кой гдѣ, можно было различить кровли незагорѣвшихся еще строеній и колокольни <...>» [П, с. 264]. Москва — родное, святое место — дом, куда бабушка приглашает вернуться Полину и Алексея Ивановича. Но Бог присутствует везде, не оставляя героев ни в ослеплении страстью, ни в глубине ада.

«Наши уже три дня как были в Рулетенбурге. Я думал, что они и Бог знает как ждут меня, однако ж ошибся» [Д, с. 232]. Начало романа актуализирует мотив «тридневия»: «наши» три дня в аду и нуждаются в спасении. Мотив тридневия становится проблемно-тематическим кодом, так что и объяснение на Шлангенберге Алексеем Ивановичем оценивается, как произошедшее «третьего дня» [Д, с. 257], отмечается прошествие трех дней после инцидента с бароном и баронессой [Д, с. 318]. Три дня маркируются и в отрывках из записок В.А. Перовского: пленные проходят Орлеан, а через три дня В.А. Перовский и С., предпринимая попытку побега, возвращаются к Орлеану и почти доходят до Русской армии [П, с. 283]. Три дня — дни ожидания и надежды: когда Христос разрушил врата смерти и спас, и искупил и пребывавших во аде, и живущих на Земле. Указание на «три дня» становится тихим напоминанием о том, что смерть не торжествует, конец не наступил, может быть тяжело и казаться, что надежды нет, но Господь не оставляет Своих чад и проявляет заботу о них. В.А. Перовский проходит через ад (неимоверные ужасы пути), герои «Игрока» пребывают во аде — но они не брошены, не забыты: ведь в ад спустился Господь и разрушил врата смерти: «<...> Воскресение Христа начинается со спасения человека, с «совоскресения». Не только таинство Воскресения, но и сотериология, надежда на спасение человека привлекала иконописцев в сюжете сошествия во ад: «Идея воскресения Христова, в применении к спасению людей, раскрытая в творениях церковных писателей, перешла в искусство и отлилась в форму композиции сошествия Иисуса Христа во ад» [Покровский, с. 398]. Другими словами, на православной иконе запечатлевается не сходжение Христа к мертвым, а «исхождение», «общее воскресение», в том числе спасение «безнадежно потерянных», «неискупленно мертвых» <...> Тайна Великой субботы, завесу над которой приоткрывает богословие тридневия, запечатленное в православной иконе Воскресение Христово — Сошествие во ад, сотериологична [Бальтазар, с. 159]: путь в Царство Небесное, путь к воскресению из мертвых становится открытым для «всякой плоти»,

как об этом говорится в Деяниях святых апостолов: “И плоть моя упокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде”» [Карпенко, 2021, с. 156–157].

Изначальные надежды на спасение и исшествие из ада наши (и Полина в их числе) возлагают на смерть бабушки — ее деньги смогут восстановить их и вывести из спутанно-затруднительного положения — потому Алексей Иванович и замечает, что застаёт наших в ожидании — но не его самого, а телеграммы о смерти Антонида Васильевны Тарасевичевой. Презрение к смерти бабушки — нравственно грязное, неправильное; но оно вовсе не свидетельствует о том, что генерал — злой человек: не злой, но запутавшийся, потерявшийся и нуждающийся, как и другие герои, в выведении из ада, однако не за счет бабушкиных денег, а в помощи Христа (**только Господь может искупить, спасти**). Ведь Рулетенбург — материальное воплощение ада, но ад — это и духовное состояние героев — болезнь, смятение, помешательство — самостоятельно выбраться из которого у них недостает сил.

«Лучом света» в темном царстве Рулетенбурга становится бабушка — Антонида Васильевна Тарасевичева — указывающая плененным русским на неправильность их положения. Антонида Васильевна Тарасевичева — единственная в романе, чье имя приводится полно, выступает как представительница дворянского рода, хранительница устоев и традиций. Имя в пространстве романов Ф.М. Достоевского существенно важно — это один из способов указания на идентичность героя; имя утверждает человека в структуре бытия, связывает его со Святым небесным покровителем. Так, генерал в романе всегда только генерал, единственный раз его фамилию называет Бланш, но в применении к себе: «<...> вообрази, я до сих пор не могу заучить мою теперешнюю фамилию: Загорьянский, Загозианский <...>» [Д, с. 345], — он — «сумасшедший», «отчим», «идиот» — имени не имеющий — что становится свидетельством его оторванности-потерянности. Бланш в разных ситуациях появляется под разными именами, Де-Грие, по свидетельству мистера Астлея, Де-Грие стал называться недавно, в общем-то он и не Де-Грие вовсе — вследствие такого качества происходит демонизация французов: в Бланш Алексей Иванович отмечает «дьявольское лицо» [Д, с. 303], бабушка называет Де-Грие «козлиной бородой» [Д, с. 309], да и всю свиту генерала (французов и его самого) определяет одним словом — «черти» [Д, с. 309]. Герои оказываются противопоставлены

бабушке: «<...> грозная и богатая, семидесятипятилетняя Антонида Васильевна Тарасевичева, помещица и московская барыня <...>» [Д, с. 279].

По приезде, при первой встрече, оторвавшихся, безместных русских бабушка определяет: Полину (французский вариант имени) называет Прасковьей, устанавливая связь с ее Небесной покровительницей — святой Параскевой — с той, которая может и должна послужить нравственным примером для Полины. Бабушка утверждает и принадлежность Алексея Ивановича к семье генерала — он не чужой, не презрительное «outchitel», а свой: «И ты, слюняй, позволил так обращаться с своим учителем <...> да еще его с места прогнал! Колпаки вы — все колпаки, как я вижу» [Д, с. 287]. Алексей Иванович не представлен учащим детей в романе (он только несколько раз ведет их гулять), но бабушкой восстанавливается как принадлежащий к семье и, более того, как учитель самого генерала. С начала записок открываются неустойчивые, странные отношения между генералом и Алексеем Ивановичем: герою кажется, что в нем нуждаются (он отлучался по «нашему делу» [Д, с. 235] — по делам семейства), что его ждут — однако генерал смотрит независимо и говорит свысока [Д, с. 232]: до возвращения Алексея Ивановича будто никому и дела нет. Тем не менее, еще до обеда генерал дает Алексею Ивановичу поручения, и даже принимается «читать наставления» [Д, с. 233], что получает противоречивое обоснование — «хоть я и не ментор ваш» [Д, с. 233], и при этом, «если я вам заметил, то я, так сказать, вас предостерег и уж, конечно, имею на то некоторое право» [Д, с. 233]. Эта неустойчивость-неопределенность выражается в осложненных-двойных мотивировках самого Алексея Ивановича: «Добрая Марья Филипповна тотчас же указала мне место; но встреча с мистером Астлеем меня выручила, и я поневоле оказался принадлежащим к их обществу» [Д, с. 234], — из тональности выбивается «поневоле»: герой приходит к обеду, он не может не быть там, где Полина, не может не шпионить кругом нее, но употребленное им «поневоле» будто указывает на стремление оторваться от семейства, не быть рядом. Неустроенность-промежуточность отчасти ликвидирует приехавшая бабушка: Алексей Иванович — свой, и генерал не должен позволять обращаться с ним неуважительно. Генералу есть чему поучиться у Алексея Ивановича: не на словах, а в действии Алексей Иванович преподаёт уроки любви и милости. «<...> всеми оставленный, в тоске и тревоге, он (генерал — А.Е.)

вспомнил обо мне и позвал меня, чтоб только говорить, говорить, говорить» [Д, с. 319]; и далее — «Едва только оставил я генерала, как явился ко мне Потапыч с зовом к бабушке» [Д, с. 320], — в помощи и утешении Алексей Иванович никому не отказывает, он по-настоящему добр и не держит обиду на генерала, несмотря на распекаания и презрительное обращение.

Бабушка указывает героям и на искусственность обстановки: на вопросы о том, чей портрет на стене, сколько стоили ковры в спальне и где их ткут [Д, с. 287], — кельнер ответить не может. Кажется, что спрашивается «Бог знает о чем» — но организация пространства важна: человек живет в месте, наполненном вещами не близкими, не имеющими смысла — и в таких на первый взгляд странных действиях бабушки, кроется намек заграничным русским на то, что отель — не дом, и находиться среди вещей пустых и ненужных им нехорошо.

Для бабушки важна не внешняя красивость, а добротность, выражающая жизненную полноту. Показательно, что при оценке внешности Полины и Алексеем Ивановичем, и бабушкой не употребляется слово «красива», только — «хороша»: «Знаете ли, что, может быть, вы вовсе не хороши? Представьте себе, я даже не знаю, хороши ли вы или нет, даже лицом? Сердце, наверное, у вас нехорошее; ум неблагородный; это очень может быть» [Д, с. 256–257], «И не понимаю, не понимаю, что в ней хорошего! Хороша-то она, впрочем, хороша; кажется, хороша. Ведь она и других с ума сводит. Высокая и стройная. Очень тонкая только» [Д, с. 260], «Хороша ты очень. Я бы в тебя влюбилась, если б была кавалером» [Д, с. 285]. Слово «хороша» сосредотачивает в себе указание и на внутренние, и на внешние свойства, как в движении размышлений Алексея Ивановича от «что в ней хорошего» к «хороша-то она, впрочем, хороша» (целостность характеристики). Это Божественная оценка творения — добро зело, хорошо весьма, и направлена она к той, кто больше всего в ней нуждается — к страдающей, мучающейся Полине, для напоминания ей о том, что она по определению хороша: ни ненормальность положения, ни Де-Грие, ни кто или что-либо еще этого не изменят. В отношении внутренних свойств хорош и мистер Астлей (бабушка о нем — «вот этот так хороший человек» [Д, с. 298]). Оценка — красив/красива — употребляется к французам: «француз красивее, но он подлее» [Д, с. 238], Бланш — «красива собою» [Д, с. 247] — как указание на телесность, внешность. Но и по отношению к Бланш,

и к генералу, и к Алексею Ивановичу используется Божественная оценка — утверждается, что они добры — их внутренняя, истинная сущность — «добро зело». Герои часто додумывают друг друга, но, сойдясь непосредственно, лицом к лицу удивляются и изумляются: «Наконец Blanche раскусила меня: она как-то заранее составила себе идею, что я, во всё время нашего сожительства, буду ходить за нею с карандашом и бумажкой в руках и всё буду считать, сколько она истратила, сколько украла <...>» [Д, с. 339] — «<...> с этих пор она ко мне даже как будто и в самом деле привязалась, даже дружески...» [Д, с. 341]; «Blanche, впрочем, была и в самом деле предобрейшая девушка, — в своем только роде разумеется; я ее не так ценил сначала» [Д, с. 343]; «Ты умный и добрый человек, — говаривала она мне под конец <...>» [Д, с. 343]; Полина о мистере Астлее: «Но он тоже добрый!» [Д, с. 331]. В абстрактных рассуждениях Бланш — дьявол, но, общаясь с ней, пребывая рядом, Алексей Иванович понимает, что это вовсе не так; то же открывает и она в нем — сначала он для нее только учитель, нечто вроде лакея, но к концу их пребывания в Париже он для нее — добрый человек (и еще — дурачок, потому что ничего не наживет: интересно, что и В.А. Перовский тратит на побег, который в итоге не удастся, все деньги — и у него ничего не остается; видимо, действительно прав Алексей Иванович: приобретение капиталов — не русская черта).

На первый взгляд кажется, что «Игрок» построен на оппозициях «свои» — «чужие», «русские» — «нерусские», однако в романе спрятаны эпизоды глубинной общности, единения героев. Таким фактором близости становятся слова Полины: «Бедные они, как мне их жаль, и бабушку...» [Д, с. 331]⁹. Эти слова, сказанные в истерике, в состоянии, когда ум не путеводит, а путеводствуется, становятся откровением о героях — Полина милосердно жалеет всех; это сокровенная правда о них — всех жаль, все больны, все нуждаются в спасении. Так, и в «Записках» В.А. Перовского французы представлены неоднозначно: встречаются солдаты, помогающие пленному

---

⁹ О таком глубинном единстве при изначально кажущихся оппозициях пишет И.А. Есаулов (на материале романа «Идиот»): «<...> оппозиция “своего” (русского) и “чужого” (нерусского), несомненно, присутствующая в романе Достоевского, относительна, а не абсолютна» и «“Русский Бог и Христос” является, с точки зрения автора, не узко-национальным племенным божеством, ограниченным земными пределами собственно России, а этот идеальный ориентир связывается с “будущим обновлением всего человечества и воскресением его”» [Есаулов, 2004, с. 284, с. 287].

русскому, обращающиеся с ним ласково, и поступок Даву — решившего проверить свою мысль и затем не приказавшего расстрелять В.А. Перовского — оценивает как проявление человеколюбия [П, с. 272], и поведение «добраго мера», угадавшего в В.А. Перовском и С. бежавших пленных, но не пожелавшего вредить им [П, с. 285].

История Алексея Ивановича — это история отпадения, он перестает руководствоваться своими «сокровеннейшими» нравственными убеждениями: «Другое управляло мною...» [Д, с. 243]. Но этот опыт оказывается благотворен — отпадение учит, открывает истину. Совершенных и абсолютно праведных — нет. Так, о бабушке сказано: «<...> на водах явился больной и расслабленный человек, без ног» [Д, с. 289]. Определение «расслабленный» — прямо указывает на Евангельские истории исцеления расслабленных Господом нашим Иисусом Христом: например, исцеление человека у купели Вифезда, что в переводе с древнееврейского значит — «дом милосердия» (Ин. 5: 1–17). Он долго лежал у купели, пока его не исцелил Христос (он не имел человека, готового откликнуться, был одинок — его помощником стал Единородный Сын Божий). Бабушка больна не только физически, но и нестойка духовно — и она сама свидетельствует об этой болезни. После пленения рулеткой, пройдя испытание адом, она оказывается способной осознать гордыню, раскаяться и проявить милосердие к генералу: «Теперь уж не буду молодых обвинять в легкомыслии, да и того несчастного, генералато вашего, тоже грешно мне теперь обвинять. <...> Подлинно, Бог и на старости взыщет и накажет гордыню» [Д, с. 321], — обретает возможность понять того, кого ругала вначале — войти в «божий ум», «не судить» других, а отдать себя на суд Божий — на Божий суд милосердия. Произошедшее бабушка оценивает как устроение Божие — промыслительное действие (см. начало о «Повести временных лет»). Хороши в качестве пояснения слова современника Ф.М. Достоевского, святителя Игнатия Брянчанинова: «Необходим подвиг для христианина, но не подвиг освобождает христианина от владычества страстей: освобождает его десница Вышнего, освобождает его благодать Святого Духа <...> Страсти, пребывая в христианине, постоянно принуждая его быть на страже, постоянно вызывая его на борьбу, содействуют его духовному преуспеянию. Зло по премудрому устроению Божественного Промысла содействует благому намерением неблагим: сказал это преподобный Макарий Великий. Жесткий и тяжеловесный жернов стирает зерна пшеницы

в муку, пшеницу делает способной к печению из нее хлебов. Тяжкая борьба со страстями стирает сердце человека, сминает надменный дух его, заставляет сознаться в состоянии падения, опытно обнаруживая это состояние, заставляет сознаться в необходимости искупления, уничтожает надежду на себя, переносит всю надежду на Искупителя» [Брянчанинов, 2008, с. 649]. И бабушка, пережив потрясение, смиряется.

Бабушка проходит путь В.А. Перовского: «<...> боль въ ногахъ наминала мнѣ о возможности быть разстрѣлену», «Я давно уже страдалъ ужасною болью въ ногахъ: отъ Москвы шель я безъ сапоговъ по крѣпко замерзшей грязи. Отъ колѣнъ и до подошвы были ноги мои въ ранахъ» [П, с. 276–280]. Можно остановиться и умереть — а можно, преодолевая боль в ногах, продолжать идти, особенно, когда есть Тот, Кто ведет и поддерживает в пути. И бабушка, и В.А. Перовский, несмотря на все нестроения и трудности, устремляются вперед.

Исследователи часто обращаются к словам Ф.М. Достоевского из письма к Н.Н. Страхову — о замысле будущего произведения: изобразить «человека, однако же, многоразвитого, но во всем недоконченного, изверившегося и не смеющего не верить, восстающего на авторитеты и боящегося их» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, с. 51]. Однако письмо написано Ф.М. Достоевским в 1863 году, а роман создан в 1866 — за 3 года автор пережил не одно потрясение. В 1864 году в день смерти жены — «Маша лежит на столе» — он пишет: «<...> человек есть на земле существо только развивающееся, след[овательно], не оконченное, а переходное» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 172–173]. Все герои романа — недоконченные, но есть Идеал, Рай — Христос, цель истории и каждой человеческой жизни. И русские, и европейцы — чада Божии, нуждающиеся в обновлении и Воскресении. Читать роман «Игрок», как и все романы Ф.М. Достоевского, следует, помня слова писателя: «Не может быть на свете такого человека, который был бы только подлец и больше ничего» [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 313]. Это тот взгляд, при котором «подлец» Де-Грие — на самом деле, не подлец, а тот, ради кого приходил Божественный Искупитель — тот, кого необходимо спасти.

Пережив пленение, бабушка устремляется домой, чтобы построить Церковь: «В подмосковной я, пять лет назад, дала обещание церковь из деревянной в каменную перестроить, да вместо того здесь

просвисталась. Теперь, матушка, церковь поеду строить» [Д, с. 310]. Это желание — исполнить данное когда-то обещание — соотносится с желанием пленных из «Записок» В.А. Перовского — только бы дотащиться до Церкви. Церковь — корабль спасения, она влечет, призывает к себе. Устремление бабушки обращено и к Полине — она зовет ее с собой, предлагая дом, который самой Полиной оценивается как «убежище» [Д, с. 311]. Обращается бабушка и к Алексею Ивановичу — «в Москве, как будешь без места бегать, — ко мне приходи; отрекомендую куда-нибудь» [Д, с. 311], — полагая, что он должен будет вернуться в Россию. Такое обращение — вернуться в Россию, в Москву, домой — содержит в себе и призыв к совместному деланию — перестройке Церкви из деревянной в каменную.

Для осознания этого эпизода представляется необходимым обращение к идеям Ф.М. Достоевского, сформулированным в «Дневнике писателя»: после Вознесения Христова создается всеобщая, всебратская, всечеловеческая национальность в форме Вселенской Церкви, строится под землей, ибо она гонима. Этот тип устройства встречается с «муравейником» — Римской империей, происходит их объединение. Далее на Востоке государство разрушается, но остается Христос, которого принимает другое государство — Россия, и идеал Христа живет в русском народе — потому в самые тяжелые исторические моменты, в переломные эпохи русский народ остается наедине с Богом, и Бог спасает его. В истории России происходит ряд событий, повлиявших на формирование и развитие национальности [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 129–174]: татарское иго, противоречивая Петровская эпоха, благодаря которой является «расширение взгляда беспрецедентное» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 46] — нажитая способность видеть, открывать в каждой европейской личности истину [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 47], но с другой стороны — преобразования порождают болезненную, оторвавшуюся от народа русскую интеллигенцию — тип «русского скитальца». И прежде, чем братски послужить европейским народам, шатающиеся по Европе русские должны возвратиться домой для объединения со своим народом, обновления и построения каменной Церкви. Сейчас в России Церковь деревянная, но есть надежда на исправление — и этот призыв к возвращению и братскому деланию звучит и в словах бабушки, и в «Записках» В.А. Перовского. Пленные-соотечественники, встречи с которыми В.А. Перовский так ждал и которым затем был не рад, ибо они, будто не осознавая тяжести

своего положения, веселились: «Предполагая увидѣть русскихъ, угнетенныхъ положеніемъ своимъ, чувствующихъ оное вполнѣ, какъ удивился я, когда, приближаясь къ дому, беспорядочный шумъ и даже пѣсни указали мнѣ о мѣстопробываніи соотечественниковъ, съ которыми впередъ надлежало мнѣ дѣлать участь свою» [П, с. 273], — преображаются, в них открывается внутреннее духовное, светлое, что будто и не предполагалось. «Внутреннее сокровище» явлено в совместном перенесении трудностей («служили мы одинъ другому изголовьемъ» [П, с. 274]) и в устремленности русских пленных к Богу, к Церкви. Переживаемые страдания очищают от всего наносного, так что остается самая суть. И это положение реализуется в новых исторических обстоятельствах — поведение генерала в начале истории таково, будто он не осознает тяжести положения: это кавалькады, выезды, обеды — но в финале открывается человек, тоскующий в Париже, ждущий чего-то, вспоминающий и покойницу жену, и дом: «Много раз я замечал, впрочем, что ему становилось грустно, кого-то и чего-то было жаль, кого-то не доставало ему, несмотря даже на присутствие Blanche» [Д, с. 344] — эта мистическая, запредельная грусть, напоминающая о том, что и генерал — носитель внутреннего сокровища, что лучшее и светлое не пропало, а живет в нем.

Алексей Иванович произносит важные слова: «<...> это у нас там в России православные выкупают православных» [Д, с. 349]. Они указывают на духовную болезнь: русские ведут себя не как истинные последователи Христа, не как милосердный самарянин: «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (Мф. 5: 46–47). «Акт милосердия» осуществляется исключительно дома, у себя — в России, находясь за границей, русские сидят и «пикнуть не смеют» и готовы, пожалуй, отречься от того, что они русские [Д, с. 236]. И вот эту деревянную Церковь бабушка надеется начать перестраивать в каменную — начиная с самой себя, личным примером, как говорил святой Серафим Саровский: «Стяжи дух мирен — и тысячи спасутся вокруг тебя». Раскаившаяся бабушка едет исполнять свое обещание, смиряясь, устремляется к Богу, и ласково обращается к русским скитальцам, желая им счастья и спасения. Не случайно она оставляет наследство Полине, генералу, Мише и Наденьке (Надежде!) — герои могут

явиться продолжателями святого делания. Ее призыв направлен не к абстрактным всем, а к конкретным лицам, за которыми сохраняется свобода выбора и в жизни которых таинственно действует Промысл Божий.

Смысл, символика деревянной церкви в России раскрывается и в словах Алексея Ивановича, когда самого себя он определяет «еретиком и варваром» [Д, с. 236]. С одной стороны, это воспроизведение устойчивых европейских представлений о русских людях [Борисова, 2025], с другой — сам Ф.М. Достоевский называл русского человека — варваром, ждущим света [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 42]. И так как Алексей Иванович объединяет себя со всеми русскими — это и им свойственная характеристика. Такими русские пленные — веселящиеся, поющие песни — предстают и в записках В.А. Перовского.

Но возможно ли спасение? Мотив стремления к Церкви и Богу, мотив спасения связан с именем Алексея Ивановича: в житии его Святого Небесного покровителя, Алексея человека Божия [Димитрий Ростовский, 2010], есть эпизод перекликающийся с «Записками» В.А. Перовского: оставив богатую жизнь, святой Алексей провел 17 лет при Церкви Пресвятой Богородицы в Эдессе (и затем Сам Господь возвратил его домой). Через соотнесение с житием Святого выражается надежда на возвращение Алексея Ивановича под покров Богородицы, возвращение к Церкви — домой для личного спасения и через личное спасение — пример для других — устремление к обновлению всех. Более пристальное внимание обратим на именование героя: его могут называть: «outchitel», Alexis (в речи французов) и Алексей Иванович. Имя Алексей происходит от греческого *ἀλέξω* — глагол со значением «защищать», «охранять» (направленность к действию); Иванович — Иван — в переводе с еврейского означает «благодать». Вспомним, как в XI главе генерал в мольбе устремляется к нему: «Алексей Иванович, спасите, спасите нас!..» [Д, с. 302]. Это устремление с просьбой о милости, о поддержке, высказанное генералом, когда Бланш с презрением отворачивается от него, Де-Грие также с презрением перебивает его (генерал в положении В.А. Перовского, который стремится к Орлеану, потому что там Русская армия — спасение надеется получить от соотечественников). Эта просьба, обращенная к тому, кого он не так давно распекал, на кого негодовал: убитый и потерявшийся генерал о милости молит, и Алексей Иванович и может помочь,

и не может: ему самому нужна помощь, но, с другой стороны, герой не равнодушен и искренне жалеет генерала. «Наши уже три дня как были в Рулетенбурге»: защитник-Алексей приходит к «нашим», но уберечь их от влияния сил зла не может: его не ждут, не принимают всерьез, и сам он, хотя и желает добра семейству генерала, упования возлагает на рулетку («Я знаю только, что мне *надо* выиграть, что это тоже единственный мой исход» [Д, с. 254]) и оказывается закруженным — сам нуждается в защите. «Наши» возлагают ложные надежды — на смерть бабушки и ее деньги, на рулетку — и уверенность их «дом паука» (Иов. 8: 14): это неустойчивые и ложные по определению основания, которые терпят крах: вместо телеграммы о смерти появляется сама Антонида Васильевна Тарасевичева, использование рулетки как средства оборачивается зависимостью. Алексей Иванович устремлен к исполнению наибольшей заповеди: о ближних он старается заботиться, что, впрочем, получается не всегда, однако ему как учителю предстоит вспомнить о ее первой и основной части — вспомнить о Господе; о том святом основании, которое не обманет человека.

В целом надежда — ключевое свойство мира «Записок» В.А. Перовского и «молодого человека». Алексей Иванович то обретает ее, то теряет (в любви — «я люблю без надежды» [Д, с. 257]; по отношению к себе — «завтра, завтра всё кончится!» [Д, с. 354]), как и В.А. Перовский, вначале утверждающий, что не следует отчаиваться — «но пока оставалась малѣйшая надежда, надлежало стараться получить свободу» [П, с. 263], — и затем испытывающий отчаяние в Церкви Спаса на Бору. В.А. Перовский пленен, заточен, но место его пленения — Храм; и в топографии Москвы, и при отступлении с французами он встречается с Церковью: так, ад не абсолютен, не вечен, не силен. «Записки» В.А. Перовского — это путь исполнения наибольшей заповеди: усилия к Богу даже в обессиленном состоянии, ведь Он рядом; и заботы о ближних-товарищах, которым он вначале удивляется и с которыми затем делит еду и кров.

Надежда есть, но с точки зрения фактологии положение Алексея Ивановича тупиковое. Герой один, на чужой стороне, далеко от родины, от друзей, «мелкий игрок», по собственному определению. И кажется, что прав мистер Астлей, по убеждению которого, Алексей Иванович одеревеневший, забывший «лучшие впечатления», отказавшийся от воспоминаний человек, и будет он в таком «погибшем» положении еще и через десять лет [Д, с. 350].

В конце романа Алексей Иванович сообщает, что успел побывать в тюрьме: тюрьма как крайняя степень пленения, гибели, заточения души и тела. Однако кто-то выкупает его: неизвестный выкупил его из тюрьмы. Кто же это мог быть? Это был не мистер Астлей: «Нет, о нет; я не выкупал вас из рулетенбургской тюрьмы, где вы сидели за долг в двести гульденов, но я знал, что вы сидели в тюрьме за долг в двести гульденов» [Д, с. 349]. В мистическом плане такой ответ — глубокое прозрение Ф.М. Достоевского: что даст человек за душу брата своего — «человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него» (Пс. 48: 8). У мистера Астлея нет возможности выкупить Алексея Ивановича, ибо он сам нуждается в искуплении. В межличностном плане слова мистера Астлея являются и свидетельством обособленности, разделения людей, и показателем промыслительного устройства Божия: Алексею Ивановичу нужно пройти через горнило испытаний для обретения истины, нужно пережить опыт одиночества, чтобы подготовиться к самой значимой встрече (уже в XIII главе Алексей Иванович сообщает, что остался «один-одинешенек») — к воспоминанию о первой части наибольшей заповеди. В.А. Перовский тоже переживает опыт одиночества — изначально он единственный русский, потому он так «съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть плѣнныхъ товарищей, надѣясь найти въ нихъ некоторое утѣшеніе» [П, с. 272] — в со-трудничестве, в со-дружестве легче, по словам Екклезиаста: «Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его» (Еккл. 4: 9–10). И пытается бежать В.А. Перовский не в одиночку, а с товарищем — вместе. Но опыт одиночества важен и значим, для В.А. Перовского он становится мерой оценки дальнейшего положения [П, с. 272].

Кто все-таки выкупает Алексея Ивановича из тюрьмы? Это делает Тот, кто заботится и об избавлении В.А. Перовского: о том, что В.А. Перовский спасся из плена, мы узнаем в начале публикации записок из за-текстовой сноски («Впослѣдствіи генерал-адъютантъ Самарскаго и Оренбургскаго генераль-губернатора» [П, с. 257]), и характерного послетекстового примечания: «...мы не знаемъ, какъ освободился изъ французскаго плѣна этотъ энергическій человѣкъ» [П, с. 286], — утверждающего факт освобождения. В.А. Перовского

и С. останавливают почти у самой границы, затем записки обрываются, но благодаря примечаниям читатели не отчаиваются.

Читатели «Игрока» подобных внетекстовых «подпорок», спасительных подсказок, казалось бы, не имеют. И именно потому утверждения мистера Астлея об окончательном пленении Алексея Ивановича рулеткой кажутся такими вероятными; читатели на перепутье: довериться мистеру Астлею и как бы вслед идущим исследовательским доводам, основанным на фабульной логике романа, о безнадежном будущем Алексея Ивановича или прислушаться к прикровенным мыслям Ф.М. Достоевского и поверить в Алексея Ивановича. Ведь если исполнить рекомендацию героя и «прочитать» упоминаемые «Записки» В.А. Перовского, то откроется внутренний-духовный сюжет по-вести, устремленный к событию спасения. Это значит, что есть Тот, кто дарует жизнь вечную, что это вечная жизнь — Абсолютная ценность — подготовленная человеку, являемая и в смерти, и на паперти, то есть на пороге Рая («у дверей на паперти, молились, и их застрѣливали» — о русских пленных). Упоминание «Записок» важно для Алексея Ивановича, ведь записки — это слова о воплощении наибольшей заповеди: устремленности ко Христу вопреки всему (обессиленные пленные «тащутся» к Церкви) и о милующем отношении к ближнему (забота В.А. Перовского о друге С.)

В контексте христологической семиотики романа Неизвестный, выкупивший Алексея Ивановича, — Господь, Некто Спасующий, о котором говорит Иоанн Креститель: «Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стоит среди вас [Некто], Которого вы не знаете» (Ин. 1: 26). Алексей Иванович сам еще не осознал, Кто спас его, но он стоит на пороге Откровения. Это спасение — Таинство великое, потому «по-весть» Алексея Ивановича — не рассказ об игровой болезни — но передача Благой вести, рассказ о мистическом опыте личной встречи со Христом — в этом учительность истории Алексея Ивановича. Алексей Иванович не может «сохранить тайну в молчании» [Сирин, 2021, с. 235] — и так как он объединяет себя со всеми русскими и адресует записки им — финал выражает надежду и на их Воскресение и обновление (переход от деревянной Церкви к каменной). Опыт Алексея Ивановича — это свидетельство присутствия Бога в жизни человека, свидетельство безусловной любви Спасителя к каждому.

Ф.М. Достоевский с момента начала каторги осмысляет свою жизнь в соответствии с жизнью Христа: Рождение Господа — заковывание в кандалы Ф.М. Достоевского: и жизни его героев видятся в аналогичной перспективе. Сначала Алексей Иванович продает себя за тридцать гульденов «мерзавцу» Гинце [Д, с. 347] — тридцать сребренников, за которые продан Господь; и в этой же части рассказывает о тюрьме — оковах ада, и освобождении — искуплении. В последней главе романа Алексей Иванович живет в «постоянной тревоге», играет и чего-то ждет, чувствуя точно «загряз в какой-то тине», в подтверждение этого он вспоминает о встрече с мистером Астлеем — мистеру Астлею он говорит о возможности Воскресения — это факт прошедшего («<...> до тех пор, покамест не поправлю радикально мои обстоятельства; тогда... тогда вы увидите, я воскресну из мертвых!» [Д, с. 350]); но под влиянием воспоминаний он переходит в план настоящего и начинает относить Воскресение к ближайшему будущему («Вновь возродиться, воскреснуть. Надо им доказать... Пусть знает Полина, что я еще могу быть человеком» [Д, с. 353]): прошлое — настоящее с переносом в будущее: последняя глава записок строится на совмещении времен, в чем утверждается вневременность Воскресения — оно бытийствует: границы-ограничители разрушены. Роман завершается дважды повторенным словом «завтра»: «Завтра, завтра все кончится!» [Д, с. 354]: и это не отсылка к неопределенным временам, а — сегодня + завтра + завтра = 3 дня — это спасительное тридневие Господа нашего Иисуса Христа, за которым не смерть, а жизнь.

Роман «Игрок» — роман о наибольшей заповеди, о «святая святых» русского человека. Ф.М. Достоевский как бы призывает вспомнить апостола Фому — того, кому Господь сказал: блаженны невидевшие и уверовавшие (Ин. 20: 29). Так, читатели не видят Воскресения Алексея Ивановича, но призваны воплотить наибольшую заповедь и поверить в него.

Открытый финал романа «Игрок» может как угодно восприниматься, оцениваться читателями и интерпретироваться исследователями, но он не может существовать вне контекста национальной культуры — Пасхальной по своей природе — и быть изолированным от религиозно-художественного сознания писателя, от ектлезио-христологической символики всего текста, потому финал выражает не смерть и безнадежность, а надежду на обновление и Воскресение, как о такой надежде писал сам Ф.М. Достоевский:

«...если теперь неприглядно, то при ясно сознаваемом желании стать лучшими (то есть при идеалах лучшего) можно действительно когда-нибудь собраться и стать лучшими...» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 75].

Таким образом, «Записки» В.А. Перовского являются важной, ценностной точкой в романе Ф.М. Достоевского «Игрок», являются ключом ко многим прикровенным смыслам. Благодаря введению истории В.А. Перовского и обращениям к читателям формируется общее пространство бытия текста: связь романа с отрывками из записок — установление «живости» национального прошлого, отражающегося и в новом историческом контексте — и устремленность к читателям — это призыв к соборности, по утверждению А.Г. Гачевой: «Подобно тому как человек, находясь в Церкви, участвуя в богослужении, в таинстве, не рассуждает о вере, но вмещает ее в себя через литургический опыт, не богословствует, а богодействует (недаром “литургия” в переводе с греческого значит “общее дело”), так и читатель, погружаясь в текст Достоевского, по замыслу автора, должен пережить тот же живой опыт веры, что и он сам» [Гачева, 2021, с. 39]. Ф.М. Достоевский романом «Игрок» обращается к читателю, призывая к со-присутствию героям — исполнить просьбу Алексея Ивановича и прочесть отрывки из записок В.А. Перовского, а открытый финал романа — проверка на милосердие — увидим мы святые смыслы и параллели и спасем героя или обречем на погибель: исполним наибольшую заповедь или останемся равнодушными; Ф.М. Достоевский объединяет русских, живших и живущих, надеясь, что в нерушимой связи освятится во имя Христова Церковь.

Так, роман «Игрок» поправляет труднопреодолимую научную метафору о «пятикнижии» Ф.М. Достоевского, становясь в ряд «священных текстов» писателя.

Список литературы

1. Борисова, 1997 — *Борисова В.В.* Национально-культурная проблематика и ее художественное воплощение в романе Ф.М. Достоевского «Игрок» // Национальное и религиозное в творчестве Ф.М. Достоевского: Проблема этноконфессионального синтеза. Уфа: Изд-во БГПУ, 1997. С. 54–60.
2. Брянцианов, 2008 — Симфония по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова). М.: ДАРЬ, 2008. 776 с.
3. Брянцианов, 2003 — *Игнатий (Брянчанинов) свт.* Полн. собр. творений. М.: Паломник, 2003. Т. 5. С. 718 с.

4. Габдуллина, 2008 — *Габдуллина В.И.* Испытание Европой: роман Ф.М. Достоевского «Игрок» // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 13–17.
5. Габдуллина, 2011 — *Габдуллина В.И.* Притчевая стратегия авторского дискурса в романе Ф.М. Достоевского «Игрок» // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 191–200.
6. Гачева, 2021 — *Гачева А.Г.* Богословие Ф.М. Достоевского и проблема нравственного истолкования догмата в русской богословской и философской мысли XIX – XX в. // Богословие Достоевского / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 21–157.
7. Даль, 2006 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4. 672 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-s/2567> (дата обращения: 24.08.2026).
8. Данилова, 2015 — *Данилова Н.К.* «Игрок» и особенности романа Достоевского // Царскосельские чтения. 2015. № XIX. С. 249–253.
9. Димитрий Ростовский, 2010 — Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского: 12 книг. М.: Ковчег, 2010. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/248 (дата обращения: 12.01.2026).
10. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука. 1972–1990.
11. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).
12. Есаулов, 2004 — *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
13. Живолупова, 2004 — *Живолупова Н.В.* Исповедь антигероя в архитектонике «Игрока» Достоевского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 1. С. 13–16.
14. Зябрева, Поник, 2012 — *Зябрева Г.А., Поник М.В.* Роман «Игрок» в свете ономапоэтики Ф.М. Достоевского // Вопросы русской литературы. 2012. № 20 (77). С. 26–36.
15. Карпенко, 2023 — *Карпенко Г.Ю.* К вопросу об антропологической иерархии в творчестве Ф.М. Достоевского // Таинство слова и образа: сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии 24–25 ноября 2022 г. Сергиев Посад: МДА, 2023. С. 244–255.
16. Карпенко, 2021 — *Карпенко Г.Ю.* Живопись al fresco «Воскресение Христово» в «итальянском» вкусе в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 1. С. 140–172.
17. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского / отв. ред. Т.Г. Магарил-Ильяева. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.
18. Касаткина, 2026 — *Касаткина Т.А.* «Преступление и наказание»: стратегии создания глубокого текста // Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: современное состояние изучения / гл. ред. Т.А. Касаткина. В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2026. Т. 1. С. 27–100. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0827-1-27-100>
19. Кибальник, 2014а — *Кибальник С.А.* Проблемы интертекстуальной поэтики Ф.М. Достоевского (на материале романа «Игрок») // Русская литература. 2014. №1. С. 135–148.

20. Кибальник, 2014б — *Кибальник С.А.* «Положительно прекрасный» герой-иностронец в романе Ф.М. Достоевского «Игрок» (мистер Астлей и его литературные прообразы) // Вестник Башкирского университета. 2014. №4. С. 1329–1338.
21. Кибальник, 2024 — *Кибальник С.А.* Идея «восстановления погибшего человека» в русской классике (Достоевский, Толстой, Чехов) // Проблемы исторической поэтики. 2024. №1. С. 157–175.
22. Кроо, 2005 — *Кроо К.* «Творческое слово» Ф.М. Достоевского — герой, текст, интертекст. СПб.: Академический проект, 2005. С. 63–97.
23. Леонов, 2011 — *Леонов В.* Понятия «Ум», «Разум», «Рассудок» в святоотеческой традиции // Психологическая наука и образование. Электронный журнал. 2011. № 3. С. 1–9.
24. Перовский, 1865 — *Перовский В.А.* Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского. М.: Русский архив, 1865. Вып. 3. С. 257–286. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book403837/#page/145/mode/1up> (дата обращения: 13.06.2026).
25. Подосокорский, 2011 — *Подосокорский Н.Н.* 1812 год и наполеоновский миф в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вопросы литературы. 2011. URL: <https://voplit.ru/2022/05/05/1812-god-i-napoleonovskij-mif-v-romane-f-m-dostoevskogo-idiot/?ysclid=mls3g16ysb292848708> (дата обращения: 18.02.2026).
26. Прохоров, 2010 — *Прохоров Г.М.* Совѣсть/совесть, сознание и сознательность // Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. С. 8–28.
27. Сараскина, 2003 — *Сараскина Л.И.* Магический реализм романа Ф.М. Достоевского «Игрок» как феномен «опасного» творчества // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2003. №17. С. 389–398.
28. Сирин, 2021 — *Сирин Исаак.* Слова подвижнические. М.: Правило веры, 2021. 736 с.
29. Ужанков, 2008 — *Ужанков А.Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория Литературных формаций. Монография. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2008. 528 с.
30. Фудель, 2016 — *Фудель С.И.* Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2016. 342 с.
31. Чирков — *Чирков Н.М.* Комедийное и трагедийное в романе «Игрок» // О Стиле Достоевского. URL: <https://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/chirkov-o-stile/komedijnoe-i-tragedijnoe-v-romane-igrok.htm> (дата обращения: 13.01.2026).

Список аудио- и видеозаписей

1. Борисова, 2025 — *Борисова В.В.* «Opinion nationale» vs роман Ф.М. Достоевского «Игрок» // III Международная научная онлайн-конференция «Книга в книге». 2025. URL: https://m.vkvideo.ru/video-18077050_456240711 (дата обращения: 12.01.2026).
2. Волгин, 2011 — *Волгин И.Л.* Спецкурс Достоевский. «Игрок»: роман на переломе судьбы // Academia, 2011. URL: <https://smotrim.ru/video/155154> (дата обращения: 13.06.2026).
3. Касаткина, 2026а — *Касаткина Т.А.* Вступительное слово // Часть 1. I Онлайн-конференция для молодых ученых «Книги, читаемые и сочиняемые героями романов До-

стоевского». 2026 URL:https://vkvideo.ru/video-18077050_456240722 (дата обращения: 13.06.2026).

4. Фаст — Фаст Г. Книга Екклесиаста. 4 ключа к пониманию // Экзегетъ. Библия и толкования. URL: <https://ekzeget.ru/mediateka/detail-KNIGA-EKKLESIASTA.-4-klyucha-k-ponimaniyu/> (дата обращения: 13.06.2026).

References

1. Borisova, V.V. "Natsional'no-kul'turnaia problematika i ee khudozhestvennoe voploshchenie v romane F.M. Dostoevskogo 'Igrok'" ["National-Cultural Issues and Their Artistic Embodiment in F.M. Dostoevsky's Novel *The Gambler*"]. *Natsional'noe i religioznoe v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: problema etnokonfessional'nogo sinteza* [*The National and the Religious in the Work of F.M. Dostoevsky: The Problem of Ethno-Confessional Synthesis*]. Ufa, Izd-vo BGPU Publ., 1997, pp. 54–60. (In Russ.)
2. Brianchaninov, Ignatii. *Simfoniia po tvoreniiam sviatitelia Ignatii (Brianchaninova)* [*Symphony on the Works of St. Ignatius (Brianchaninov)*]. Moscow, DAR Publ., 2008. 776 p. (In Russ.)
3. Ignatii (Brianchaninov) St. *Polnoe sobranie tvorenií* [*Complete Works*], vol. 5. Moscow, Palomnik Publ., 2003. pp. 79–80. (In Russ.)
4. Gabdullina, V.I. "Iskushenie Evropei: roman F.M. Dostoevskogo 'Igrok'" ["The Temptation of Europe: Fyodor Dostoevsky's Novel *The Gambler*"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 314, 2008, pp. 13–17. (In Russ.)
5. Gabdullina, V.I. "Pritchevaia strategii avtorskogo diskursa v romane F.M. Dostoevskogo 'Igrok'" ["The Parable Strategy of the Author's Discourse in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Gambler*"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 9, 2011, pp. 191–200. (In Russ.)
6. Gacheva, A.G. "Bogoslovie F.M. Dostoevskogo i problema npravstvennogo istolkovaniia dogmata v russkoi bogoslovskoi i filosofskoi mysli XIX–XX v." ["The Theology of Fyodor Dostoevsky and the Problem of the Moral Interpretation of Dogma in Russian Theological and Philosophical Thought in the 19th and 20th Centuries"]. Kasatkina, T.A., editor. *Bogoslovie Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Theology*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 21–157. (In Russ.)
7. Dal', V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tomakh* [*Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols*], vol. 4. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2006. 672 p. (In Russ.)
8. Danilova, N.K. "'Igrok' i osobennosti romana Dostoevskogo" ["*The Gambler* and the Typical Traits of Dostoevsky's Novel"]. *Tsarskosel'skie chteniia*, no. XIX, 2015, pp. 249–253. (In Russ.)
9. Rostovskii Dimitrii. *Zhitiia sviatykh na russkom iazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei sviatogo Dimitriia Rostovskogo: 12 knig* [*Lives of the Saints in Russian, based on the Chetye-Minei of St. Dimitry of Rostov: 12 books*]. Moscow, Kovcheg Publ., 2010. (In Russ.)
10. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
11. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 35 tomakh* [*Complete Works: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–. (In Russ.)
12. Esaulov, I.A. *Paskhal'nost' russkoi slovesnosti* [*The Paschality of Russian Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
13. Zhivulopova, N.V. "Ispoved' antigerioia v arkhitektonike 'Igroka' Dostoevskogo" ["The

Confession of the Antihero in Dostoevsky's *The Gambler*"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvenno-go universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 1, 2004, pp. 13–16. (In Russ.)

14. Ziabrev, G.A., Ponik, M.V. "Roman 'Igrok' v svete onomatopoeitiki F.M. Dostoevskogo" ["The Novel *The Gambler* in the Light of Fyodor Dostoevsky's Onomopoeitics"]. *Voprosy russkoi literatury*, no. 20 (77), 2012, pp. 26–36. (In Russ.)

15. Karpenko, G.Iu. "K voprosu ob antropologicheskoi ierarkhii v tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["On the Anthropological Hierarchy in the Works of Fyodor Dostoevsky"]. *Tainstvo slova i obraza: sbornik materialov nauchno-bogoslovskoi konferentsii kafedry filologii Moskovskoi dukhovnoi akademii 24–25 noiabria 2022 g* [*The Mystery of Word and Image: Collection of Materials from the Scientific and Theological Conference of the Department of Philology at the Moscow Theological Academy, November 24–25, 2022*]. Sergiev Posad, MDA Publ., 2023, pp. 244–255. (In Russ.)

16. Karpenko, G.Iu. "Zhivopis' al fresco 'Voskresenie Khristovo' v 'ital'ianskom' vkuse v romane I.S. Turgeneva 'Ottsy i deti'" ["Al fresco Painting 'The Resurrection of Christ' in the 'Italian' style in Ivan Turgenev's novel *Fathers and Sons*"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 1., 2021, pp. 140–172. (In Russ.)

17. Kasatkina, T.A. "My budem — litsa..." *Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* ["We Will Be — Faces/Persons..."] *Analytical and Synthetic Reading of Dostoevsky's Works*]. Ex. Ed. T.G. Magaril-Il'iaeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)

18. Kasatkina, T.A. "Prestuplenie i nakazanie": strategii sozdaniia glubokogo teksta ["*Crime and Punishment: Strategies for the Creation of a Deep Text*"] Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie': sovremennoe sostoianie izucheniia: v 2 tomakh* [Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment: Current State of Research*], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 27–100 (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0827-1-27-100>

19. Kibal'nik, S.A. "Problemy intertekstual'noi poetiki F.M. Dostoevskogo (na materiale romana 'Igrok') ["Problems of F.M. Dostoevsky's Intertextual Poetics (Based on the Novel *The Gambler*)"]. *Russkaya literatura*, no. 1, 2014, pp. 135–148. (In Russ.)

20. Kibal'nik, S.A. "Polozhitel'no prekrasnyi' geroi-inostranets v romane F.M. Dostoevskogo 'Igrok' (mister Astlei i ego literaturnye proobrazy)" ["The 'Positively Beautiful' Foreigner in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Gambler* (Mr. Astley and His Literary Prototypes)"]. *Vestnik Bashkirsk. un-ta*, no. 4, 2014, pp. 1329–1338. (In Russ.)

21. Kibal'nik, S.A. "Ideia 'vosstanovleniia pogibshogo cheloveka' v russkoi klassike (Dostoevskii, Tolstoi, Chekhov)" ["The Idea of 'Restoring a Lost Person' in Russian Classics (Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov)"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 1, 2024, pp. 157–175. (In Russ.)

22. Kroo, Katalin. "Tvorcheskoe slovo" F.M. Dostoevskogo — geroi, tekst, intertekst [Fyodor Dostoevsky's "Creative Word" — a Hero, a Text, and an Intertext]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005, pp. 63–97. (In Russ.)

23. Leonov, Vadim. "Poniatiia 'Um', 'Razum', 'Rassudok' v sviatootecheskoi traditsii" ["The Concepts of 'Mind', 'Reason', and 'Understanding' in the Patristic Tradition"]. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie. Elektronnyi zhurnal*, no. 3, 2011, pp. 1–9. (In Russ.)

24. Perovskii, V.A. "Iz zapisok pokoinogo grafa Vasilii Aleksseevicha Perovskogo" ["From the Notes of the late Count Vasily Alekseevich Perovskiy"]. *Russkii arkhiv*, no. 3, 1865, pp. 257–286. (In Russ.)

25. Podosokorskii, N.N. "1812 god i napoleonovskii mif v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["The Year 1812 and the Napoleonic Myth in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Voprosy*

literature, 2011. Available at: <https://voplit.ru/2022/05/05/1812-god-i-napoleonovskij-mif-v-romane-f-m-dostoevskogo-idiot/?ysclid=mls3g16ysb292848708> (Accessed 18 Feb. 2026). (In Russ.)

26. Prokhorov, G.M. "Sov'bst'/sovest', soznanie i soznatel'nost'" ["Conscience, Awareness, and Consciousness"]. *Drevniaia Rus' kak istoriko-kul'turnyi fenomen* [Ancient Russia as a Historical and Cultural Phenomenon]. St. Petersburg, Olega Abyshko Publ., 2010, pp. 8–28. (In Russ.)

27. Saraskina, L.I. "Magicheskii realizm romana F. M. Dostoevskogo 'Igrok' kak fenomen 'opasnogo' tvorchestva" ["The Magical Realism of F.M. Dostoevsky's Novel *The Gambler* as a Phenomenon of 'Dangerous' Creativity"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 17, 2003, pp. 389–398. (In Russ.)

28. Sirin, Isaak. *Slova podvizhnicheskiiia* [Ascetic Words]. Moscow, Pravilo very Publ., 2021. 736 p. (In Russ.)

29. Uzhankov, A.N. *Stadial'noe razvitie russkoi literatury XI – pervoi treti XVIII veka. Teoriia Literaturnykh formatsii. Monografiia* [Stages of Development of Russian Literature in the 11th–1st Third of the 18th Century. Theory of Literary Formations. Monograph]. Moscow, Lit. In-ta im. A.M. Gor'kogo Publ., 2008. 528 p. (In Russ.)

30. Fudel', S.I. *Nasledstvo Dostoevskogo* [Dostoevsky's Legacy]. 3rd Edition, revised and expanded. Moscow, Russkii put' Publ., 2016. 342 p. (In Russ.)

31. Chirkov, N.M. "Komediinoe i tragediinoe v romane 'Igrok'" ["Comedy and Tragedy in the Novel *The Gambler*"]. *O Stile Dostoevskogo* [About Dostoevsky's Style]. Available at: <https://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/chirkov-o-stile/komedijnoe-i-tragedijnoe-v-romane-igrok.htm> (Accessed 13 Jan. 2026). (In Russ.)

Reference list of audio and video sources

1. Borisova, V.V. "'Opinion nationale' vs roman F.M. Dostoevskogo 'Igrok'" ["'Opinion nationale' vs Fyodor Dostoevsky's Novel *The Gambler*"]. *III International Scientific Online Conference "Books in the Book"*, 2025. Available at: https://m.vkvideo.ru/video-18077050_456240711 (Accessed 12 Jan. 2026). (In Russ.)

2. Volgin, I.L. "Spetskurs Dostoevskii. 'Igrok': roman na perelome sud'by" ["Special Course: Dostoevsky. *The Gambler*. A Novel at the Turning Point of Fate"]. *Academia*, 2011. Available at: <https://smotrim.ru/video/155154> (Accessed 13 June 2026). (In Russ.)

3. Kasatkina, T.A. "Vstupitel'noe slovo" ["Opening Remarks"], part 1. *I Online Conference for Young Scientists "Books Read and Written by the Characters in Dostoevsky's Novels"*, 2026. Available at: https://vkvideo.ru/video-18077050_456240722 (Accessed 13 June 2026). (In Russ.)

4. Fast, G. "Kniga Ekklesiasta. 4 kliucha k ponimaniuu" ["The Book of Ecclesiastes. 4 Keys to Understanding"]. *Exegesis. The Bible and Its Interpretations*. Available at: <https://ekzeget.ru/mediateka/detail-KNIGA-EKKLESIASTA.-4-klyucha-k-ponimaniyu/> (Accessed 13 June 2026). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.06.2026

Одобрена после рецензирования: 02.08.2026

Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 18 June 2026

Approved after reviewing: 08 Aug. 2026

Date of publication: 25 Sept. 2026